

Святая новомученица Татiana Гримблит

Житие в художественной обработке

Святые рядом с нами

Наталья Иртенина
**Святая новомученица
Татиана Гримблит**

«Символик»

2016

Иртенина Н. В.

Святая новомученица Татиана Гримблит /
Н. В. Иртенина — «Символик», 2016 — (Святые рядом с
нами)

ISBN 978-5-906549-53-2

Документально-художественное повествование знакомит читателя с судьбой Татьяны Гримблит (1903–1937), подвижницы милосердия и святой новомученицы, избравшей в самые страшные годы нашей истории путь христианского служения людям – тем, кто, как и она сама, был негоден советской власти. Помимо фактической канвы биографии в книге рисуется внутренняя жизнь подвижницы на основе её стихов, которые она писала с юности.

ISBN 978-5-906549-53-2

© Иртенина Н. В., 2016
© Символик, 2016

Содержание

Предисловие	6
«Детство улыбается миром и теплом...»	8
«А за решёткой неправда ликует...»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Наталья Иртенина

Святая новомученица Татиана Гримблит

«Приму я в борьбе за Крест изгнание, и могилу, и тюрьму»

Предисловие

Все мы слышали о новомучениках. Знаем, что они прославлены в Русской Православной Церкви в лике святых.

Чаще всего наши сведения о них этим и ограничиваются.

Они жили на той же земле, что и мы. В том же Отечестве...

Они жили в одном поколении с нашими родными и близкими. Также переживали нужду и голод, трудились со всей страной, жили её тревогами и надеждами...

Это было совсем недавно, в двадцатом веке.

Они носили одинаковые с нашими имена и фамилии, и, как и все в то время, несли свой крест...

Они стали святыми в отличие от миллионов других, хотя ничем не выделялись внешне.

Стоит повнимательнее всмотреться в их жизнь, чтобы увидеть их святость. Тем более, что они сейчас молятся у престола Божия о спасении наших душ.

Максим Яковлев

Вишерский лагерь, Северный Урал, 1932 год

Обычный конец обычного дня. Жёлтые фонари, прохватывающий до костей мороз, столбы пара из печных труб. Вечерняя поверка. Возле женского барака выстроились в две шеренги двести с лишним подневольных душ в телогреях, платках и тяжёлых ботах. Вся рота – «социально опасные элементы»: уголовницы и политические. Начальница роты, такая же заключённая, сиплым голосом выкрикивает фамилии. Вдоль строя спереди и сзади ходят две дневальные, присматривают.

Татьяна стоит во втором ряду. Ноги после работы в строительной бригаде едва держат, руки висят, будто налитые свинцом. Скорее бы в барак, в душное тепло, на свои нары почти под потолком. Забыться сном, в котором будут приятные видения: яркие обрывки детства с ребячьими весёлыми играми, родной дом, бабушкина комната, гимназическая юность. Воспоминания, коими на краткий миг потешится сердце.

В уме рождаются новые строчки:

Тринадцатый год я дорогой иду,

Уж виден конец впереди...

Прими меня, Боже, на этом пути,

Последний этап предо мной...

Да, последний. Четвёртый арест, «исправительно-трудовой» лагерь. Повсюду в стране низко стелется ложь. Добро, милосердие забыты. В душах людских теперь не Образ, а безобразие. А ей всего-то двадцать девять лет. Почти половина из них пройдены по тюремной ниве, заполнены человеческим страданием, чужим и своим...

– Гримблит!

Её жёстко пихают в бок, дневальная добавляет злой тычок в спину – нечего зевать. Татьяна поспешно отзывается на фамилию. Нарядчица заглядывает в свои листки, равнодушно бросает:

– В санчасть.

Значит, по разнарядке её отправляют завтра работать в лагерную больничку. Начальница роты идёт дальше по фамилиям, а Татьяна даже не сразу осознаёт, отчего вдруг затеплилось что-то в душе. Слава Богу!

Ты милостив, Боже, Своею рукой
Ведёшь одиноким путём...
На ниве тюремной тринадцатый год
Тебе добровольно служу...

– И ещё послужу, – беззвучно и упрямо шепчут губы.

Нет в её сердце червоточин жалости к самой себе. Сколько упреков от родных было тягостно пережито, сколько слёз в тоске пролилось, сколько зла за эти годы увидено. Но Ты, Господи, вновь позвал – и душа привычно встрепенулась, сердце обрело покой в своём страданье. Так и должно быть. Всё правильно. Ведь сама просила Его об этом. Тогда, в свои шестнадцать девичьих лет, всё уже решила. Уже тогда на её пути неведомо встали этот лагерь, и ссылка, и тюремные камеры, и бессмысленные допросы – но и сотни людей, для которых она стала светом надежды.

К концу поверки она уже не ощущала тяжёлой, одуряющей лагерной усталости. Рота опасного элемента заполнила барак, развесила сушиться одежду и башмаки. Гомон, визгливые крики, грубый блатной смех, тихие, наособицу разговоры, кипятилок по кружкам. Заскрипели, зашатались под телами двухъярусные нары, сцепленные в длинные сплошные ряды.

Татьяна забралась на свой второй ярус, выковырнула из щели меж брёвен огрызок карандаша и свёрнутый кусок серой обёрточной бумаги. Отвернувшись к стене, в тусклом свете лампочки стала торопливо записывать строчки.

...Я сердце унять не могла:
Тебя призывала невинной душой
И рано свой путь избрала.
Шестнадцати лет я молила тогда:
«О Боже, меня избери,
Возьми мои силы, пока молода,
Крестом за Тебя подари.
Пока ещё чистое сердце моё
И мира не знает тревог,
Возьми, и устройшь в нём Царство Твоё...»

«Детство улыбается миром и теплом...»

В пред рождественские дни 1903 года в семье томского акцизного служащего обрусевшего немца Николая Гримблита родилась дочь. Покрестил её с именем Татьяна родной дед, протоиерей Антонин Мисюров.

В Томске отца Антонина любили и уважали. Батюшка преподавал Закон Божий гимнастам, произносил после праздничных служб проникновенные проповеди, был добр, отзывчив, хотя и строг. В своей внучке он души не чаял.

Семья Гримблит (слева направо): Вера Антоновна (мать), Татьяна, Николай Иванович (отец), Георгий, Борис, София

В семье Гримблитов детей было четверо – два брата и две сестры. Татьяна выделялась среди них каким-то особым отношением к жизни: взор её часто затуманивался недетской печалью. Хотя и росла она такой же проказницей, любила шумную беготню, как прочие, но, набегавшись, вдруг становилась тихой, молчаливой. Уходила в себя и о чём-то одиноко размышляла.

Однажды отец Антонин зашёл в свою комнату, откуда минуту назад с весёлыми воплями выбежала компания малышни. Они резвились, играя в догонялки вокруг большого письменного стола, прыгали в чулках на диване, смеялись. Теперь тут была одна Таня. Она стояла в красном углу и, высоко подняв голову, пристально рассматривала икону Спасителя. Отец Антонин опустился рядом с внучкой и провёл пальцем по её щеке, стерев слезу.

– О чём ты плачешь, невинное дитя?

– Не знаю, дедушка.

Он поцеловал её в тёмную макушку.

- Это сердце зовёт тебя.
 - Куда зовёт? – удивилась девочка.
 - К Богу.
- Она порывисто прижалась к деду, обняла.

Когда Татьяне было двенадцать лет, отец Антонин умер. У всех на устах в городе стояло пугающее слово «война». В газетах писали, что русские войска отступают и в этом виновато правительство. Хотя Томск был далеко от войны, на его улицах откуда-то стали появляться безногие и безрукие люди, просившие милостыню.

В комнате дедушки всё сохранялось по-прежнему. Татьяна сама доливала масло в лампаду перед иконами и зажигала огонёк. Как-то раз она задумчиво открыла большое Евангелие на столе и прочла: «...приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

- Я не забуду Твои слова... – горячо пообещала девочка, глядя на икону Спаса.

Через два года многие люди в Томске стали как безумные и радостно повторяли одно и то же: «Революция! Царя свергли! Теперь свобода!» Ещё через несколько месяцев свергли самих свергателей и власть в стране взяли какие-то непонятные большевики. Они назвали себя властью Советов и объявили, что построят государство, в котором Бог не нужен. Во многих городах стали грабить церкви, изгонять и даже убивать священников. По рукам начали ходить листки со страшными словами: «На Святую Церковь открыто гонение... Из Руси святой хотят сделать Русь сатанинскую...» Вскоре из Омска пришло ужасное известие: расстрелян крестный ход. И в других городах тоже расстреливали людей, выходивших с иконами и хоругвями на защиту веры.

А потом война с Германией превратилась в войну внутри страны. Большевиков из Сибири прогнали, но через год с небольшим они вернулись и расстреляли верховного правителя Сибири Колчака. В том же 1920-м году умер отец Татьяны. Жизнь была скудная, полуголодная, разбитая. Но Мариинскую гимназию, переименованную в школу № 3, ей всё же удалось окончить.

О том, как дальше устраивать судьбу в разорённой революциями и войной стране, Татьяна долго не размышляла. Семнадцатилетняя девушка устроилась работать воспитателем в томскую колонию для малолетних «Ключи».

За годы послереволюционной разрухи на городских улицах появилось много бездомных детей, живших воровством и попрошайничеством. Теперь беспризорников отлавливали и свозили в колонию. Её обитатели были похожи на маленьких арестантов: с бледными лицами, наголо обритые, вечно голодные, озлобленные, жадно смотревшие в окна сквозь тюремные решётки. Позднее Татьяна напишет: «Семнадцати лет я узнала тюрьму».

Тяжёлые впечатления от колонии тенями легли на её лице. Мать, Вера Антолиновна, видела, как дочь надрыгает себе душу, и жалела её. Сиделась рядом, обнимала.

- Ты совсем перестала смеяться. Ты ещё слишком юна для такой службы. Искушишь себя там, а тебе надо жить, радоваться жизни, замуж выйти. Не мучай себя, уйди оттуда. Будь как все, ищи своё счастье. Не губи свою молодость. Вспомни, как ты раньше пела. У тебя красивый голос. Где теперь твои песни, Таня?

- Что счастье, мама? Всего лишь тень, – качала головой дочь. – В жизни столько горя. Спроси любого: светлые дни так редки и призрачны. А эти дети... им очень плохо там. Я же хоть лучик солнца им приношу. На сердце у меня теперь другая песня, устами её не спеть.

– Бедная ты моя, – вздыхала мать. – Твоё сердце слишком поместительно. Слишком много чужого горя впитывает в себя. С таким сердцем ты всю жизнь будешь мучиться. В твоих глазах теперь всё время тоска. Так нельзя, дочь!

– Можно, мама. Эта тоска никогда не уйдёт. Она во мне с детства живёт, от неё не скроешься.

– Замуж тебе надо, своих детей родить. – В голосе матери появилась строгость. – Тогда и не будешь тосковать.

– Нет, мама. Эта тоска о другом. Не о том, что ты зовёшь счастьем, – пыталась объяснить Татьяна. – Не о земном. У меня вот тут лампада горит и душу жжёт. – Она положила руку на грудь против сердца. – Я чашу горестей выпью с радостью, только б с Христом всегда быть. Только б совесть меня ни в чём никогда не упрекнула. Мама, я ведь только о том и молюсь по ночам.

Мать гладила её волосы, а голос звучал растерянно, почти испуганно:

– Пожалей себя, дочка. Пожалей...

Поздно ночью, ложась спать, Татьяна записала на листке короткие стихи:

Я молю, пошли мне силы,
Чтоб служила до могилы
Одному Тебе.

«А за решёткой неправда ликует...»

При царе столько людей в тюрьмы не сажали. Новая власть будто задалась целью в сжатые сроки переплюнуть три века романовской России по числу арестованных, казнённых, сосланных в Сибирь. С начала 1920-х чередой шли волны массовых «церковных» арестов. Сидели по тюрьмам, ссылкам или лежали в земле те, кто словом либо делом противился осквернению святых мощей, кощунственному изъятию богослужебных святынь из храмов, обновленческому расколу, поразившему Церковь с подачи советской власти¹. Сам патриарх Тихон год жил под арестом. А архиереев² теперь в Сибири было, наверное, больше, чем в центральной России – только не на служении, а в заключении.

Тюрьмы Томска, Омска, Иркутска, прочих городов были переполнены самым разным людом. За несколько лет у Татьяны выработался почти ритуал. В течение недели она обходила редкие томские храмы, не захваченные обнагленцами-обновленцами, забирала то, что оставляли для неё прихожане. В основном продукты, иногда тёплую одежду, деньги. В выходной день после литургии она шла по тюрьмам, там отдавала передачи для заключённых. Адресные – для духовенства, мирян, арестованных по «церковным» делам. Безадресные – любым узникам, у которых не было родни или знакомых, чтобы носить передачи. На покупку продуктов и необходимых в тюрьме вещей она тратила почти весь свой заработок.

Об этой деятельности внучки протоиерея Антонина Мисюрова, почившего несколько лет назад, на приходах знали многие. Кто-то смотрел на это полукриминальное в глазах новой власти занятие с сомнением, кто-то сочувственно вздыхал, но всё же опасливо сторонился. Однако и тех, кто жертвовал от своего скудного достатка, было немало. Татьяна никого не просила – просто брала то, что давали, и благодарила в ответ скупой улыбкой.

Через Томск и томские «дома заключения» прошло немало архиереев и простых священников, которых отправляли в сибирские ссылки. Здесь совершалось их очное или заочное знакомство с юной подвижницей милосердия. Разъезжаясь по местам ссылок, они с оказией переправляли Татьяне весточки. Завязывалась переписка. Ссылные писали о своём житье, насущных нуждах, благодарили за тепло души, которым она щедро дарила их через свои посылки и письма.

Опасения родных и тех прихожан, кто предпочитал осторожность, скоро стали сбываться. Первый раз её арестовали в 1923 году в Иркутске, едва она довезла от вокзала до тюрьмы полпуда передач для здешних заключённых. Через четыре месяца всё же освободили, но из поля зрения ОГПУ³ уже не выпускали. Полтора года спустя новый арест, на этот раз обошлось всего недельным сидением в камере. В мае 1926-го она в третий раз очутилась в застенке...

Сквозь решётку в оконце виден клочок чёрного неба со звёздами. В камере томского ОГПУ спят на жёстких досках полтора десятка человек женского пола – от совсем ещё девочек-подростков до старух. Носовой свист, подхрапыванье, тихие стоны во сне. Татьяна сидит на своём лежаке. Сон – избавитель от тяжких дум – не идёт к ней. Душу терзает острая горечь, давят узкая железная дверь камеры и стальная оконная решётка. Стены хра-

¹ Обновленчество (Обновленческий раскол) – раскольническое движение в русском христианстве, возникшее официально после Февральской революции 1917 года. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Выступало против руководства Церковью патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований.

² Архиерей – в Православной Церкви: общее название должностей высшего духовенства (епископа, архиепископа, митрополита, патриарха).

³ ОГПУ (Объединённое Государственное Политическое Управление) – политическая спецслужба, предшественница КГБ.

нят память о страданиях многих томившихся здесь за последние годы людей. Как хочется немедленно прочь отсюда, на волю!

Но разве на воле лучше? Она вспомнила свои стихи, написанные три года назад, тоже в тюрьме:

А за решёткой неправда ликует,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.